

Замятинские дни в Санкт-Петербурге

Последние два года Евгений Замятин не раз становился героем публикаций "РМ" (статьи Г.Файмана, А.Блюма, Р.Янгирова, Л.Геллера и др.). И это вряд ли случайно — ведь именно в это время в России наметилось оживление научного интереса к некогда опальному писателю.

В постсоветской России "возвращение" Замятина прошло подозрительно быстро. Путь от восторженного энтузиазма ранне-перестроечных лет до, кажется, уже полного и бесповоротного признания Замятина классиком был не очень долг. Закономерным итогом этого процесса стало включение произведений Замятина в школьные и вузовские программы — статус "классического писателя" закрепляется уже на государственном уровне.

Конечно, такая "канонизация" имеет и обратную сторону. О Замятине сейчас в России пишут много и многие. Но видят, к сожалению, в его жизни и творчестве часто лишь то, что хотят видеть: то, что задано современной культурной ситуацией. Едва ли не главным оказывается его противостояние советскому режиму — и в результате реальная биография и творчество Замятина подвергаются столь усердной героизации, что фактам уже приходится худо.

Но параллельно идет и другая работа: печатаются неизвестные тексты писателя, выясняются новые вехи его биографии. Происходит неуклонное накопление сведений, мимо которых уже трудно пройти любому взявшемуся писать о Замятине. Наконец-то появились и интересные аналитические работы.

Два этих полюса в изучении жизни и творчества писателя отразила международная научная конференция, прошедшая недавно в Санкт-Петербурге. "РМ" уже писала о Замятинских чтениях в Лозанне и Тамбове. Но петербургская конференция отличалась от них. В России любят называть конференции международными, даже если на них присутствует один-единственный аспирант из дружественного ближнего зарубежья. Однако эта конференция была действительно международной (по ней приехали исследователи из России, США, Германии, Франции, Кореи, Италии) и действительно научной (по крайней мере в большей части докладов).

Несмотря на довольно узко сформулированную тему конференции ("Рукописное наследие Е.И.Замятина. Проблемы изучения и публикации"), собственно архивной проблематике было посвящено не так много выступлений (отмечу насыщенное сообщение Эллен Скарфуффи из Нью-Йорка об истории Замятинского архива в США).

Замятинская поэтика рассматривалась в нескольких докладах. Замятин, как известно, был не только писателем, но и крупным инженером, хорошо знавшим естественные науки. Анализ математического кода его романа "Мы", предложенный в докладе Эдны Эндрюс и Елены Максимовой (Дурхэм, США), позволил по-новому взглянуть на это ставшее уже хрестоматийным произведение.

Джемма Галло (Турин) интересно связала в своеобразную трилогию три работы Замятина, писавшиеся в конце 1910-х — начале 1920-х годов: роман "Мы", биографическое повествование "Роберт Майер" и статью "О литературе, революции, энтропии и прочем", предложив рассматривать научную биографию английского физика как еще не вполне прочитанный манифест Замятина.

Корейский исследователь Мун Чжун Ил подробно проанализировал символику одного из самых известных рассказов Замятина — "Пещера".

Соня Хойсингтон (Чикаго), скромно озаглавив свое выступление "Е.Замятин и А.Пушкин", вскрыла пушкинский слой в тексте романа "Мы", напомнив, что именно в 1921 году, в год окончания романа, в Советской России широко отмечался пушкинский юбилей.

Алла Грачева (Санкт-Петербург) проанализировала пометы

А.Ремизова на первом издании романа "Мы": Ремизов старательно отметил близкие себе мотивы и темы. О родственности творчества Замятина и художников Бориса Кустодиева и Юрия Анненкова писалось уже неоднократно. Но не менее интересно и типологическое сопоставление с творчеством Бориса Григорьева, сделанное Ильей Доронченковым (Санкт-Петербург).

Ряд интереснейших докладов был посвящен театральной деятельности Замятина. О сложной судьбе пьесы "Атилла", так и оставшейся не поставленной, рассказал Давид Золотницкий (Санкт-Петербург).

Райнер Гольдт (Майнц) на основе цензурной истории драмы "Атилла" поставил вопрос о "мнимой и истинной критике западной цивилизации в творчестве Е.Замятина" — весьма плодотворная и новая для российских ученых тема, связанная с более общим вопросом о влиянии Освальда Шпенглера на русскую литературу 1920-х годов (имя Ницше, добавлю, также должно быть упомянуто в этой связи).

Тамара Исмагулова (Санкт-Петербург) рассказала о постановках замятинских пьес в русских эмигрантских театрах.

Наконец-то внимание ученых обратилось и к деятельности писателя в кино. Леонид Геллер (Париж — Лозанна) сделал доклад "Е.Замятин и кино. Поиски новой поэтики". По мнению докладчика, кинематографическая поэтика была заключена в произведениях Замятина еще до появления его интереса к этому виду искусства.

Марина Любимова (Санкт-Петербург) предложила вниманию слушателей малоизвестные материалы по участию Замятина в создании фильма Жана Ренуара "На дне" (1936).

Завершил конференцию театрализованно преподнесенный доклад Татьяны Никольской (Санкт-Петербург) "Кулинарные рецепты у Евг. Замятина", оживленно встреченный научной аудиторией.

Со многими из прозвучавших докладов уже можно познакомиться в печатном виде — почти к началу работы конференции вышел номер петербургского журнала "Russian Studies", в котором напечатаны работы В.Туманова, Р.Янгирова, Р.Гольдта, Д.Золотницкого, Т.Исмагуловой, М.Любимовой (в следующем номере журнала будут опубликованы работа И.Доронченкова и материалы к библиографии Замятина, составленные автором этих строк).

Во время работы конференции в "Публичке" была открыта выставка, посвященная Замятину. На ней экспонировались автографы писателя, портреты и рисунки, многие из которых были выставлены впервые.

В рамках конференции состоялась презентация издания, которое стало первым в мире научным изданием текстов Евгения Замятина. Под скромным названием "Рукописные памятники" (вып. 3, в двух частях) в полном объеме воспроизведены все сохранившиеся в архиве петербургской Публичной библиотеки рукописи писателя. Этот сборник любовно подготовлен к печати М.Любимовой и Л.Бучиной, в нем почти 400 страниц. Вряд ли теперь какая-либо работа о Замятине обойдется без упоминания этого издания.

АЛЕКСАНДР ГАЛУШКИН

Москва

Несколько замечаний в дополнение к отчету о замятинской конференции в Петербурге

О петербургской конференции, посвященной проблемам изучения рукописного наследия Е.И.Замятина, мы полагаем писать вместе, дополняя друг друга, — А.Галушкин и нижеподписавшийся. Но поработать после конференции вместе не удалось, и поэтому я добавлю несколько замечаний от себя.

У нас разные точки не столько зрения, сколько наблюдения; сходясь во многом, мы кое-что видим по-разному. Меня, литературоведа из Швейцарии, впечатлила прежде всего энергия главного организатора Марины Любимовой и ее сотрудниц, поднявших и протаскивших на себе, при безденежье и технической неснащенности, почти непосильную ношу большой научной конференции. (Тут напрашивается обобщение. Будет, наверно, преувеличением сказать, что вся русская культура стоит женщинами, но в наши дни именно они хранят ее и передают из одной эпохи в другую. Только благодаря женщинам работают библиотеки и архивы, приезжает человеку это бросается в глаза. Благодаря чему работают женщины, неизвестно: за работу им практически не платят. Все это граничит с чудом).

Круг западных замятиноведов остается довольно узким. Но приятным сюрпризом были сообщения коллег из Южной Кореи об открытии Замятина в их стране. И не менее приятным оказалось назревающее воссоединение замятиноведчес-

ких сил в самой России. Года два назад по случаю Замятинских чтений в Тамбове я высказывал на страницах "РМ" сожаление о том, что столицы и провинция работают в разных режимах, мало зная друг о друге. На нынешней конференции присутствовала Л.Полякова из Тамбова, пригласившая всех участников к себе, на очередную встречу в сентябре.

Отмечу еще одно, на мой взгляд, знаменательное присутствие, которое выпадает из рамок отчета о научном содержании встречи.

В Петербурге были родственники писателя, и старшего поколения (его племянник С.Волков), и молодого. Приехала молодежь из Лебедяни, с родины Замятина, где устроен его музей; были показаны фильмы о городе. (Конечно, каждому городу лестно иметь "своего" классика, и Лебедянь в свою очередь заявляет о стремлении стать объектом внимания и по возможности извлечь из этого какую-то выгоду для себя — стремление законное).

Конференция заставила в очередной раз ощутить главную проблему литературоведения в России: как сбросить с себя поклажу методов и оценок, выработанных в советское время, не теряя лица и не лишаясь всего багажа науки о литературе? Эту проблему, конечно, должны решать все науки, но я говорю именно о литературоведении.

Работа специалиста по русской (и

особенно, конечно, современной русской) литературе сегодня непредставима без открытия и освоения новых фактов; но плодотворное их прочтение требует и внятной теории, и убеждения, что текст являет собой не менее конкретную реальность, чем факты.

Тот же вопрос: откуда взять теорию, которая осветила бы, не исказив, новое знание? Возможна ли она вообще?

Среди выступлений, отмеченных А.Галушкиным, два составляют к сказанному нечто вроде парадоксальной иллюстрации. Доклад американских исследователей о математическом коде романа "Мы" вызвал во мне сильную охоту возражать. В романе этот код умышленно искажен "шумом". Доклад же навязывал коду связность, смешивая уровни текста и пренебрегая его указаниями. Такой подход способен вселить сомнение в методе, при всей научности изложения.

И, наоборот, мне показалось, что наименее "ученый" по форме доклад Татьяны Никольской ближе всех подходит к самому плодотворному (с корнями в формализме) течению в постмодернистской семиотике культуры. Доклад точно очерчивает один из ее объектов изучения — семантику еды. Еда занимает место в том же ряду, что тело, эрос, смерть. Все это предельно важно для Замятина.

А как же быть с правильной теорией? Надо ее искать, сохраняя доверие к текстам, уважение к фактам и критическую дистанцию по отношению ко всем научным методам.

Л.Г.

Лозанна

О болезни, боли, быте и борьбе

Книга писем Евгения Замятина

На петербургской конференции о Замятине состоялась презентация новой книги — сборника его рукописного наследия. Событие для замятиноведов долгожданное и радостное.

По мере своих сил и по возможности кратко расскажу, несколько превышая полномочия рецензента, о том, что обнаружилось под скромными обложками двухтомника, вышедшего в свет стараниями работников Российской национальной библиотеки Марины Любимовой и Людмилы Бучиной.

Издание включает все материалы, хранящиеся в замятинском архиве "публички". В первый, толстый, том входят

письма к жене; к ним добавлен десяток других документов, в основном письма и записки коллегам по работе. Гораздо меньшим количеством полных и неполных копий рукописей, указателей, библиография. Издание сделано прекрасно, что значит: профессионально.

Точный текстологический аппарат, многочисленные сноски, огромный объем информации, почерпнутой из печати, из работ о Замятине, из океана литературы о русской литературе XX века (в том числе и многих эмигрантских источников). Использовано два десятка архивов. Сделать больше — вряд ли возможно.

Публикаторы с редкой скромностью ограничились кратким вступлением и свели комментарии к самому существенному, оставив текст говорить за себя. Поэтому в книге все важно, включая творческие рукописи текстов, известных по другим публикациям. Теперь мы имеем возможность сверить варианты.

Без мелких неполадок научные издания — как речь без грамматических ошибок — любить нельзя. Отметим для очистки совести три неполадки разного калибра. Хорошо бы при публикации частных писем указывать адрес не только автора, но и адресата: это помогло бы картографировать их отношения. Хорошо было бы найти во втором томе заявленную в первом миниатюру "Улыбки". Лучше бы не утверждать в комментарии, что "Красное дерево" Пильняка целиком вошло в роман "Волга впадает в Каспийское море", — получается, что повесть печаталась без изменений, тогда как Пильняк переписал ее с начала до конца.

Теперь перейдем к главному. Главное в публикации — письма жене. Всего 334 письма, с 1906 по 1931 год. Четверть века крупный писатель, знаменитый стилист, стоило ему оказаться на почтовой дистанции от жены, писал ей письма. Какое богатство мыслей и чувств, какую картину эпохи, сколько блеска должен скрывать внушительный том более чем в 300 страниц!

Правда, моим первым впечатлением от чтения этих писем было разочарование. Вопреки тому, что принято думать, Замятин мало советовался с женой и мало открывался перед ней. После восторженных излияний первой поры он становится очень (слишком) сдержанным, даже скупым в рассказах о встречах, событиях. В стиле постепенно переходит к суховатой протокольности. Даже разговор о литературе не слишком увлекает: писателей и книг Замятин упоминает немного, а обсуждает еще меньше. Чаще всего просто отмечает: читал то-то, в театре видел то-то, был в гостях у того-то, то-то пишется или не пишется.

И все же первые впечатления ошибочны. Замятинские письма вряд ли станут памятником эпистолярной литературы наподобие, скажем, розановских. Но

в них нужно вчитаться; и как бы помимо воли автора, помимо беглости, сдержанности, в мелком раскрывается нечто очень глубокое. Огрыбочные записки укладываются в сложный роман. Вернее, в переплетение психологического, эротического и политического романов — о старении молодого человека, о любви, о писателе и советской эпохе.

Все три романа печальны. Ибо все они — истории болезней.

Так щедро одаривший силой и радостью жизни своих героев Замятин рано умер в Париже от грудной жабы, из России уехал, страдая хроническим колитом, — об этом мы знали. Но не подозревалось, что начиная с 1911 года (ему тогда было всего 27 лет) он постоянно болел и думал о болезнях. В письмах жене-врачу он дает подробности своих вечных мигреней, бессонниц и катаров желудка, оценивая по пятибалльной системе работу пищевода. В прозе же иногда находит компенсацию, сочиняя лужу-лужу пассажи (о которых так весело рассказывала на конференции Т.Никольская).

С возрастом появляются новые болезни; все чаще приключаются нарывы, порезы, ушибы, переломы. Он становится (по собственным словам) чеховским Елиходовым, на которого валяются все шишки. Едят в его поздних рассказах мало и худо. Замятин мы знаем по многим портретам: сильный, самоуверенный человек зорко всматривается в мир из крепости иронического спокойствия. Оказалось, крепость была тщательно сработанной маской.

Письма Замятина заинтересовали бы психоаналитика. Но и не будучи аналитиком, легко понять, что в недугах тела, к которым он прислушивается с такой напряженной мнительностью, проступает наружу болезнь души.

Не буду гадать о диагнозе. Первые десять лет Замятин еще исповедовался. И упрекал себя в рассудочности, в страсти к самоанализу и к теории. Он не умел жить без часов, стремился рассчитать все в жизни. Страсть все время все контролировать стала игрой, и в итоге он перестал отличать себя от настоящего. Такая игра — не болезнь души, но ее несомненный признак.

Замятин хотел жить как романтический юноша, но взростел, старел. Жизнь не шла по его расчетам. И он болел. В эмиграции его ждали лишь неудачи. И он все чаще и серьезнее болел.

В последний год жизни на рынке Отей его встретил Ремизов; маска спала перед глазами Ремизова, он услышал скрипящий голос и понял (так он рассказывал в некрологе), что это душа Замятина "с переломанным носом и торчащей, как лапа, рукой, с болью смотревшей на меня".

Болью пронизан и любовный роман Замятина. Про свою жизнь он провел с женщиной, с которой познал любовь. Для своей первой страсти он находил очень сентиментально-выспреннее, но нежные и откровенные слова; многие из них узнаются — они стали частью замятинского эротического лексикона.

Но отношения с женой нелегки. Уже в самом начале любви Замятин ждал ее конца. Желание вдруг исчезает; ему кажется, что "ваза любви" всегда была с трещинкой; ему хочется новых ощущений, он придумывает правила игры в свободную любовь.

Оставлю читателя следить за перипетиями этой игры. Скажу, что чувственность уходит из писем и из брака, хотя рецидивы нежности случаются еще долго. Обращения к жене могли бы послужить материалом для лингвиста, исследующего социально-психологический и, конечно, эротический смысл словесного этикета: ты — вы — миленькая — милый друг — милая Мила...

Замятин упрекает себя самого: в нем мало веры. Добавлю: в нем много страха. Его пугает превращение любовницы в супругу в папилюток: этим образом он потом определил свое разочарование революцией. Он боится и маленького счастья, и падения в пучину эмоций, потери контроля над собой.